

Виктория Черножукова
Владимир Веретенников

ЧАСТНЫЕ
СЛУЧАИ
НЕНАВИСТИ
И ЛЮБВИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ГЛАВА 1

– Ма-а-ам! Ты так прощаешься, как будто на сто лет расстанемся! Пока, пап! Все! Берегите себя! – Лиза коротко обняла родителей и еще раз приложила губами к маминой впалой щеке. – Я через пару недель вернусь. Вы с папой даже соскучиться не успеете!

Поезд Рига – Санкт-Петербург вот-вот должен был тронуться, и провожающие потянулись к выходу. Лиза энергично улыбнулась, послала воздушный поцелуй и тоже стала выбираться из вагона. На перроне она отыскала глазами окошко их купе, подошла и прижала к пыльному стеклу ладонь. Мама пыталась удержать на губах улыбку, но было ясно, что только нежелание расстраивать дочь мешает Айе Германовне расплакаться. Лиза погрозила пальцем: «Ты мне обещала, мама! Постарайся не очень сильно грустить. Пожалуйста!»

Стекло вагона глушило звук голоса, но мама поняла, кивнула, вытерла слезы, а папа крепче обнял ее за плечи. Лиза еще раз махнула рукой, повернулась и пошла прочь.

Понятно, что мама убита горем – потерять отца очень тяжело. Если бы умер Лизин папа, она бы тоже

плакала. Это естественно. Вот жил-жил родной человек, а потом вдруг раз – и нет. Дед Герман тоже родной, но в ее, Лизиной, жизни места практически не занимал – ни в детстве, ни тем более теперь: он был какой-то «колючий». Казалось, заберись к нему на колени – все себе оцарапаешь. Даже целовал внучку как-то нехотя, будто клевался. Вся нежность – денежный перевод ко дню рождения с краткой припиской.

Оказавшись на привокзальной площади, Лиза ждала трамвая недолго: бело-голубой вагон с троллейбусной штангой на крыше почти сразу выкатился из-за поворота. «Четверка» повезла Лизу к мосту через Даугаву и дальше в сторону Иманты. Она машинально листала глазами урбанистический пейзаж: трехногая телебашня на Закюсала, гигантский треугольник Национальной библиотеки, мемориальный комплекс в честь советских освободителей... В Риге она бывала сто раз, вряд ли за последние дни здесь что-то поменялось.

Дедова смерть не была неожиданной: за последние годы Герман перенес два инфаркта, все понимали, что осталось недолго, но все-таки надеялись... Две недели назад случился инсульт, с которым организм уже не справился. Аяя Германовна тут же прилетела в родной город – ухаживать. Позже к ней присоединились муж и дочь. Только по большому счету ухаживать уже было не за кем: когда Лиза увидела деда, тот был на аппарате жизнеобеспечения, в сознание так и не пришел. В общем, попрощаться с ним как следует не получилось.

Похороны не произвели на Лизу особенного впечатления. Грустно, конечно, но маму было жалче, чем деда. На кладбище Лачупес было промозгло, несмотря на конец июня. Звучали бесконечные речи, потом, по обычаю, близкие и родственники кинули по

горсти земли в открытую могилу, и Лиза со всеми. Затем крепкие парни, вооруженные лопатами, быстро закопали яму, ловко утрамбовали аккуратный холмик сверху. Вот, собственно, и все.

Родители после похорон смогли задержаться в Риге всего на пару дней. Хотели остаться, но работа... Перед отъездом Айя Германовна долго обнималась с вдовой – второй женой деда, с которой мама при жизни Германа сохраняла натянуто-дипломатические отношения. Видимо, винила ее в разводе родителей, хотя Лиза сомневалась, что флегматичная, с белесым лошадиным лицом Инта подходит на роль разлучницы, да и добрых лет десять прошло между разводом и следующим браком, но логика здесь была бессильна. Общее горе примирило женщин: они плакали, обняв друг друга, – родители чудом не опоздали на поезд. Хорошо еще, что Инта не поехала провожать родственников на вокзал.

По правде говоря, похороны вдову разбили и обессилили. За несколько дней из пожилой холеной дамы она превратилась в старушку: стала рассеянна, забывчива и постоянно плакала. Оставлять ее одну в таком состоянии было просто опасно, и Айя настоятельно попросила дочь задержаться в Риге. Это было предложение из тех, от которых нельзя отказаться, и радости у Лизы оно не вызвало.

– Доченька! Мы ее единственные родственники! Хотя бы пару недель! В конце концов, ты уже взрослая. Должна понимать, что в жизни бывают ситуации, когда приходится чем-то жертвовать!

Ужасное занудство! Но пришлось остаться. И вот теперь она едет в трамвае обратно в Иманту.

Кажется, дед всегда там жил – в небольшом, но очень «европейском» двухэтажном нежно-розовом особняке в окружении аккуратного яблоневого сада.

«Жил. Теперь не живет». – Ей стало ужасно грустно. Лизе Герман запомнился холодным, методичным и трудолюбивым. Добротный набор качеств для профессионального историка, но совершенно неподходящий для хорошего деда. Он редко проявлял чувства – даже голоса не повышал. Случалось, иногда молча клал внучке руку на голову и гладил ее ото лба к затылку – это было высшим проявлением родственного участия.

Вот и дом. Лиза проскользнула в дверь, стараясь не шуметь. Ей сейчас не хотелось видеть Инту: все слова соболезнований, какие Лиза могла придумать, были сказаны еще на кладбище – о чем беседовать за чаем с убитой горем старушкой, она не представляла.

Увы! Едва Лиза переступила порог, тут же услышала: «Вернулась? Зайди ко мне, пожалуйста!»

Она послушно поплелась в старушкину «светелку». Густой запах валокордина встретил прямо в дверях.

– Как вы себя чувствуете, Инта? Может, заварить чаю? Или хотите, я что-нибудь приготовлю?

– Спасибо, дорогая. Не нужно. Давай лучше займемся чем-нибудь полезным. Горе надо проживать в труде, так говорила моя бабушка.

Родным языком Инты был латышский, но русским она владела безупречно, и хоть и не без акцента, но с приемной внучкой беседовала исключительно на нем.

– Ты же знаешь, что твой дедушка занимался наукой. Так вот остался его личный архив. Герман готовил книгу о тридцатых – сороковых годах. Это был очень непростой исторический период. Очень противоречивый. Нельзя, чтоб его труды пропали! Там собраны самые разные материалы: документы, свидетельства... Конечно, многое он публиковал, но не все, далеко не все. Думаю, ты, как будущий историк,

сможешь отделить важное от неважного и разобрать архив до своего отъезда.

Лиза почувствовала себя Золушкой, которой вместо бала предстоит перебирать просо и сажать розовые кусты.

– А почему я? Наверняка у деда были аспиранты...

– Нет, моя дорогая. Обойдемся без чужих рук. Это меньшее, что мы можем сделать из уважения к его памяти.

«Мы?! – Лиза фыркнула. – Ну где справедливость?! Возись теперь с этой хренью, вместо того чтобы загорать в саду или купаться». Инта была подслеповата и не могла заметить ее скисшее лицо. «И почему, спрашивается, такая срочность? Что мешает отложить это дело на пару месяцев, а то и лет? Спасибо, мамочка! Удружила!» – сердито подумала Лиза, но спорить с Интой не стала. В конце концов, для вдовы, вероятно, разбор архива мужа кажется чрезвычайно важным и неотложным. Как там это называется у психологов? Замещение? «Ладно, чтобы просто просмотреть, что дед насобирав, много времени не потребуется. А надоест, скажу Инте, что дело ответственное, нужно разбираться без спешки. В любом случае через полгода опять приехать придется, тогда и закончу», – думала она, устраиваясь за огромным дубовым столом.

Лиза вполне успешно училась на истфаке СПбГУ. История как наука ей нравилась, иначе вряд ли дотянула бы до конца третьего курса отличницей. Но сегодня заниматься архивной работой ей было лень. Она с тоской поглядела на Инту, которая что-то упорно искала на книжной полке.

В кабинете Германа витал траурный дух: окна зашторены, обширные стеллажи с книгами понемногу

обрастали пылью, а на столе перед монитором выразительно белел лист бумаги, прижатый остро отточенным карандашом, как в мемориальном музее-квартире.

Инта наконец нашла что искала и подошла к окнам раздвинуть занавески. Солнечный свет тут же заполнил комнату.

– Тут личная переписка, которую я заберу. – Инта прошествовала от окна к двери. – Остальное лежит в ящиках стола. Вот ключи.

Она положила перед Лизой связку золотистых ключиков на старой витой тесемке.

– Ты, конечно, можешь не спешить. Сама решай, в каком режиме этим заниматься. Главное, чтобы ты успела просмотреть до отъезда все бумаги.

Она кивнула, и Инта выплыла за дверь. Оставшись одна, Лиза задумалась. В целом биография деда была ей известна. Герман родился в Риге, но часть детства провел в ссылке, куда угодил в трехлетнем возрасте вместе со своей матерью – Лизиной прабабушкой Магдой. После войны, в самом конце сороковых, их унесло волной очередных депортаций и прибило к берегу где-то в Сибири, откуда они вернулись уже в хрущевскую оттепель. Однако, если не считать это трудное время – основная тяжесть которого, к слову сказать, легла на плечи прабабки, – его жизнь текла плавно и гладко, постепенно прирастая достатком, почетом и бытовыми удобствами. Он закончил школу, потом Рижский университет по кафедре научного коммунизма, быстро защитил диссертацию и стал преподавать. В советской системе такая карьера сулила не только высокий доход и статус – она обеспечивала место в самом сердце идеологии, в зоне самой малой сейсмической активности, которую (до поры) не задевали никакие политические колебания. Дед всегда был человеком умным и мыслил стратегически.

В конце восьмидесятых, когда «Титаник» Союза неожиданно дал течь, Герман громко покинул КПСС, причем выбрал наилучший момент: ни раньше ни позже. Он сошел с тонущего корабля с достоинством, до того, как впавшие в панику люди начали топить друг друга в надежде обрести спасение за чужой счет.

В новой Латвии на руинах прежней идеологии немедленно проклюнулись и зазеленели свежие ростки – срочно понадобились опытные садовники. И Герман, будучи безусловным латышом, органично, без особенных колебаний принял новую идею. Из правоверного коммуниста он превратился в искреннего национал-либерала. Он по-прежнему преподавал в Латвийском университете, но вместо истории международного коммунистического движения стал читать лекции по теме «Латышский народ в период советской оккупации». Он искренне считал, что это его моральный долг – долг человека, пережившего в детстве сибирскую ссылку – изобличать советские зверства. Предыдущий период его жизни – под сенью кафедры научного коммунизма – как-то стерся и забылся. И другие не поминали Герману советское прошлое. Хотя бы потому, что так жили многие. Фактически Латвией правили бывшие обкомовцы, отрекшиеся от прежних идей и «переобувшиеся» в «национальные патриоты».

За двадцать семь лет независимости Герман выпустил три или четыре книги, посвященные проблемам политики СССР в Прибалтике; активно продвигал идею компенсации, которую должна выплатить Латвии Россия как преемница Советского Союза. Он давал интервью самым разным СМИ в качестве «признанного эксперта», «видного ученого-историка»

и считался непререкаемым авторитетом в любых вопросах, связанных с оккупацией. Он не был националистом, а потому его мнение считалось независимым и научным.

Лиза догадывалась, что дед не идейный. Ни раньше, ни теперь не существовало в его жизни таких убеждений, ради которых он стал бы жертвовать бытовым комфортом. Возможно, поэтому он легко принаравливался к обстоятельствам и был любим всякой властью. В общем, Лиза практически не сомневалась, что архив Германа будет предсказуемо скучноват: «Записки убежденного конформиста».

Она осторожно вытряхнула на стол содержимое верхнего ящика. Бумаги оказались на трех языках: латышском, английском и русском. Английский, как воспитанная барышня, Лиза знала вполне, да и латышский – прилично, все благодаря Айе, которая, наученная жизнью не питать иллюзий относительно будущего, не исключала возможность смены российского гражданства на европейское и хотела, чтобы у дочери, если что, не возникло проблем с ассимиляцией. В Петербурге, конечно, в латышском языке особенно не попрактикуешься, но навещая деда, Лиза не упускала случай закрепить навык.

Большая часть документов была аккуратно рассортирована по толстым папкам и, скорее всего, представляла собой материалы к лекциям Германа: брошюры, тетради, отдельные исписанные листочки из блокнота. Там же хранились документы и записи, относящиеся к расчетам оккупационной компенсации.

В других ящиках лежали черновики дедовых работ по истории Латвии: Первая Республика, война за независимость, империя, остзейские немцы, шведы, герцогство Курляндское, Ливонский орден, древние

латышские княжества... Она пролистывала записи, не углубляясь в подробности.

«Что я тут делаю? – она начинала злиться. – Инта всерьез думает, что я буду тратить свое время на разбор этой макулатуры?!»

На последнем, нижнем правом ящичке Лизино терпение лопнуло. Ничего сверхценного про тридцатые – сороковые, на что туманно намекала Инта, в бумагах не было.

Лиза выбралась из-за стола, потянулась. Эта бессмысленная возня поглотила целый день! Она сердилась на маму и на Инту, хотя Инту обычно всегда жалела. У той не было близких родственников – одна на свете. Илзе – Лизина родная бабушка, в честь которой ее и назвали – умерла, кажется, году в девяностом. Мама тогда училась в Ленинградском университете на журфаке, и отец там же, в аспирантуре... Мама много лет не могла успокоиться, что дед снова женился – не могла смириться с мачехой. Поэтому, наверное, не вернулась в Ригу, а осталась в Петербурге с папой... Лиза почувствовала жалость к Инте и одновременно пощипывание совести: неужели так трудно посмотреть в этот дурацкий последний ящик ради бедной одинокой старушки?!

В ящичке – слава Макаронному Монстру! – обошлось без папок. Вместо них на дне лежал старомодный черный дипломат – такой большой, что Лиза с трудом вытащила его наружу. И сразу же выяснилось, что он заперт. Интрига! Что, интересно, дед мог так тщательно прятать в собственном доме? И от кого? Под двумя-то замками!

Она пошарила в ящичке, но ключа не нашла. Ерунда какая-то... Лиза положила руки на стол, уткнула подбородок в скрещенные кисти и приуныла. Однако с этой

точки ее взгляд обнаружил на книжной полке маленький черный пенальчик, сделанный из такой же гладкой кожи, что и таинственный портфель. Внутри был ключ.

«Это судьба!» – Лиза приободрилась и принялась за замки.

Первое, что она увидела, подняв крышку дипломата, – старая черно-белая фотография с волнисто-кружевным срезом. На ней был запечатлен brutальный красавчик лет тридцати в кожаной куртке и летном шлеме. Лицо мужчины было крепким, скуластым, с удлиненными «арийскими» чертами: прямой хищный нос, квадратный подбородок, разделенный посередине пикантной ямочкой. Голливуд курит в сторонке! Летчик смотрел насмешливо, с некоторым вызовом, и это показалось Лизе особенно привлекательным. А еще ей показалось, что он очень похож на Германа с того снимка, который выбрали для церемонии прощания – на нем деду было не больше сорока. Впрочем, Герман объективно был пожиже...

Она перевернула фотографию. Тогда было принято писать на обратной стороне что-нибудь в духе: «Люби меня, как я тебя! Милой имярек от сердечного друга». Однако снимок адресатов не имел.

Следом она достала из дипломата увесистый холщовый мешочек, в котором лежал какой-то старинный орден: десятиконечная звезда – такое ощущение, что золотая. Разновеликие лучи – длинные и короткие – чередовались, а центр занимал круг синей эмали, в котором поблескивали расположенные треугольником три маленькие пятиконечные звездочки. Вокруг синей сердцевинки шла надпись на латышском: «За Отечество», а над буквами виднелась тоненькая полоска орнамента. Была бы под рукой лупа – Лиза рассмотрела бы поподробнее.

Под мешочком лежала пухлая канцелярская папка. Лиза развязала тесемки и наткнулась на крайне ветхую газету. Название было набрано готическим шрифтом. Дата выглядела солидно: 26 мая 1934 года. На первой же странице она обнаружила уже знакомого летчика. Теперь он стоял на небольшой трибуне, окруженный внушительной толпой. Шею нашего героя украшал довольно дурацкий, на Лизин вкус, лавровый венок, а правая его рука стремилась вверх в приветственном жесте. Под газетным снимком была подпись. Лиза перевела: «Сегодня капитан Герберт Мелдерис вернулся из Гамбии».

Прежде эту фамилию Лиза точно не слышала. Если бы он был им родней, дед не преминул бы его отметить на генеалогическом древе. Единственным темным местом на этом древе было происхождение самого Германа Медемса. Дед рос без отца, фамилию унаследовал от матери. И всегда пресекал любые разговоры на эту тему.

Подушечки пальцев словно кольнули иглы: Лиза почувствовала себя на пороге открытия.

«Вряд ли сейчас в Риге найдется человек, который бы не слышал о капитане Герберте Мелдерисе. Его подвиг стоит вровень с заслугами знаменитого американца Чарльза Линдберга! Вчера капитан Мелдерис вернулся из длительного путешествия в Гамбию, совершенного на самолете собственной конструкции. Он избрал такую цель для своего перелета, поскольку Гамбия около трех веков назад была колонией Латвии и лишь потом перешла под власть Англии. Дважды герой в одиночку пересекал смертоносную пустыню Сахара, и оба раза остался невредимым. Герберт Мелдерис пролетел над пустыней 1500 километров с посадкой в одном-единственном оазисе! “Мне просто

повезло. Счастливое стечение обстоятельств!» – скромно прокомментировал свой полет господин Мелдерис, молодой здоровый мужчина атлетического сложения».

В папке лежали другие газеты и отдельные вырезки, более поздние – за июнь 1936-го. Одна из статей оказалась на русском, причем частично в дореволюционной орфографии – с ятями, но без твердых знаков на конце.

«Вчера в 3:20 дня в Шанхай прилетѣл из Циндао извѣстный латвійскій летчик капитан Герберт Мелдерис, совершающій кругосвѣтный полет на аэропланѣ своей собственной конструкціи. Как извѣстно, капитан Мелдерис не так давно посѣтил Шанхай, отправившись отсюда в Японію. Вечером представители мѣстной латвійской колоніи чествовали храброго летчика».

Лиза с трудом распрямила онемевшую ногу. Даже не заметила, что отсидела. Похоже, дед занимался не только скучными цифрами. История некогда знаменитого летчика тянула на серьезную научную работу. И этот орден. Он наверняка очень ценный и – почему нет? – мог принадлежать этому голливудскому капитану.

Там еще были вырезки на английском и, кажется, на шведском. Господин Мелдерис оказался парень не промах: кто только о нем ни писал! Лиза пролистала статьи. Во всех шла речь об одном и том же: о беспримерных подвигах. То он в Африке, то в Юго-Восточной Азии, и везде его встречали «с воодушевлением». Латышские газеты упоминали, что из-под пера Мелдериса в ближайшее время выйдут две книги: путевой дневник «Мой полет в Гамбию» и художественный роман «Между землей и солнцем» про приключения летчика.

Получалось, что дарования героя не ограничивались внешностью, храбростью и инженерными способностями. Живи Лиза в тридцатые, точно влюбилась бы.

В дипломате были и другие фотографии: Герберт в кабине самолета широко улыбается перед вылетом; Герберт – на сей раз без летной униформы, но в безупречно сидящем костюме – раздает автографы восторженным читательницам; Герберт на приеме у главы государства, президента Латвии Карлиса Ульманиса.

Лиза погуглила. Более-менее внятная статья про летчика-изобретателя нашлась только в латышскоязычной «Википедии»:

«Герберт Мелдерис родился 4 (17) апреля 1900 года в городе Виндава (нем. Windau) (с 1917 года – Вентспилс) в семье слесаря Яниса Мелдериса. В 1917 году, желая избежать мобилизации в германскую армию, он покинул оккупированную немцами Виндаву и бежал в Россию. В 1919 году начал службу в армии Латвийской Республики. Был зачислен в пехотный батальон пулеметчиком. Участвовал в боях с Красной армией, получил за храбрость чин сержанта. Поступил в авиационную школу и вскоре стал одним из лучших военных летчиков Латвии. Увлекался конструированием летательных аппаратов.

Демобилизовался в 1924 году с официальной формулировкой “по собственной воле”, однако в ряде источников упоминается, что причиной была целая серия дисциплинарных проступков, в числе которых – самовольный пролет под мостом и проезд по городским улицам в самолете без крыльев. (“Вот не давали парню покоя лавры Чкалова!” – хмыкнула про себя Лиза.)

Вскоре Герберт Мелдерис вернулся на службу и в 1930 году был вторично уволен за контрабанду

спиртного из Эстонии. Он скрывался от кредиторов и был объявлен банкротом. Все его имущество было распродано на аукционе, и он работал шофером и экспедитором.

Позже серьезно занялся конструированием. На самолете собственного изобретения “М-II Молниеносный” с мотором, собранным из двух двигателей “Рено”, в 1933 году Мелдерис совершил рекордный для того времени перелет в Гамбию, а в 1936 году – перелеты в Токио и в Палестину.

По возвращении в Латвию он стал национальным героем. 25 мая 1934 года (через десять дней после государственного переворота, который возглавлял Карлис Ульманис) был восстановлен в армии и повышен в звании до капитана.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА